

K.L.

BIRKENAU

РЕАЛЬНАЯ И ВДОХНОВЛЯЮЩАЯ ИСТОРИЯ ВЫЖИВАНИЯ
15-ЛЕТНЕГО ПОДРОСТКА, РАССКАЗАННАЯ
И НАРИСОВАННАЯ ИМ САМИМ

ТОМАС ГИВ

МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ НАРИСОВАЛ ОСВЕНЦИМ

ХЛОКОСТ ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ

Холокост. Правдивая история

Томас Гив

**Мальчик, который
нарисовал Освенцим**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-94(569.4)

ББК 84(5Изр)-44

Гив Т.

Мальчик, который нарисовал Освенцим / Т. Гив —
«Издательство АСТ», 2021 — (Холокост. Правдивая история)

ISBN 978-5-17-138153-0

В июне 1943 года 13-летний Томас и его мама после долгих преследований были депортированы в лагерь Освенцим. В мужском лагере Аушвиц I Томас находился вдали от матери, и чтобы спасти себе жизнь, ему пришлось выполнять тяжелейшую работу. Несмотря на жестокость, царившую вокруг, Томас не терял волю к жизни и искал свет там, где его, казалось, было невозможно найти. Он исполнился решимости и в деталях нарисовал то, что происходило в немецких концлагерях Освенцима. Рисунки не сохранились, но спустя почти два года, проведенных в нечеловеческих условиях, Томас был освобожден и вновь принялся рисовать то, через что ему пришлось пройти. Книга включает в себя 26 рисунков. «В своих воспоминаниях я проливаю свет на жестокость и зло мира, о котором никто ничего не должен был узнать – но историческая справедливость восторжествовала. Однако самое главное то, что в них рассказано о жизни в лагерях. Как мы, узники, выживали и старались не падать духом, хватаясь за каждый проблеск человечности и доброты в ближних и в самих себе, окруженных тотальной жестокостью. В центре всего этого разворачивалась уникальная история о нас, молодых, которым было суждено повзрослеть и сформироваться в лагерях, лелея силу единства, дружбы и надежды». Томас Гив В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.111-94(569.4)

ББК 84(5Изр)-44

ISBN 978-5-17-138153-0

© Гив Т., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Две пирамиды	7
Предисловие	8
Введение	11
Пролог	12
Часть первая	13
Глава 1	13
Глава 2	18
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Х ЛОКОСТ · ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ

Томас Гив

Мальчик, который нарисовал Освенцим

THOMAS GEVE

THE BOY WHO DREW AUSCHWITZ

Originally published in the English language as Youth in Chains in 1958 and Guns & Barbed Wire in 1987

This updated illustrated edition first published by HarperCollinsPublishers under the title The Boy Who Drew Auschwitz in 2021

© Thomas Geve 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2022

В память о:

Еве-Рут

Салли

Джонатане

Мальше Курте

Великане Курте

Светлом Герте

Бойком Герте

Элло из Словакии

Менделе из Белостока

Йендро из Богемии

Морисе из Салоник

Голландце Лео

Швейцарце Полди

Пане Полаке из Чехии

Бельгийском докторе из блока 7а

Немце Зиги, штубовом¹ в блоке 7а

Блоковом из 7а, немце

Лагерном парикмахере-немце

¹ Штуба – «комната» в блоке/бараке.

Две пирамиды

Мендель с такой гордостью рассказывал нам о поездке в Москву. Его пригласили выступить на спортивном фестивале – он стоял на вершине гимнастической пирамиды.

Дорогой Мендель, ты вернулся в Москву. Но в этот раз мы вместе стоим на вершине пирамиды из книг.

*Томас Гив
Июнь 2021*

Предисловие

Считалось, что люди, пережившие Холокост, после окончания Второй мировой войны замолчали. И в этом есть доля правды, многие просто не могли вспоминать о столь тяжелых страданиях, а некоторые не могут и по сей день. Но были и те, кто хотел говорить. Они обещали другим узникам, многие из которых погибли, что засвидетельствуют случившееся перед всем миром. И они пытались, но мир не мог, а порой и не хотел их слушать. Свидетели Холокоста не молчали. Их заставили замолчать.

Томас Гив был одним из тех, кто сразу после войны попытался рассказать в подробностях о том, что произошло. Вначале он просто хотел поведать об этом отцу при помощи папки с рисунками. Во время войны отец Томаса жил в Англии, и ему даже в страшном сне не могло присниться, через что пришлось пройти его сыну. Затем Томас перенес воспоминания в слова и попробовал их опубликовать, но его ждало разочарование. Однако он не сдавался. И вот уже семьдесят пять лет он – устно, письменно и при помощи иллюстраций рассказывает историю, которую вы сейчас прочтете, историю, которая перенесет вас в глубины жуткого мира нацистских концлагерей, в котором дети, такие как Томас, были всего лишь расходным материалом.

Томас Гив – выдающийся документалист. Он исполнился решимости в деталях описать то, что происходило в немецких концлагерях еще в Освенциме, когда нашел уголь, обрывки бумаги от мешков с бетоном (Томас работал в строительной бригаде), и стал зарисовывать все, что творится вокруг. Эти наброски не сохранились, но воспоминания о том, что было изображено на тех клочках бумаги, у него остались, и сразу после окончания войны Томас вновь принялся рисовать. Он увидел, как другие бывшие узники записывают истории о недавнем прошлом. Ему тоже было о чем рассказать. По какой-то необъяснимой причине попавшему в Освенцим мальчику тринадцати лет хватило присутствия духа углубиться в детали: проверить, измерить, подсчитать и запомнить. Распорядок дня он описывает по часам, а порции – с точностью до грамма. Его память сохранила даже цвета нашивок, которые носили заключенные.

Вероятно, Гив в столь юном возрасте осознал то, что взрослым открылось лишь годы спустя: все, даже мельчайшие подробности функционирования системы концентрационных лагерей, являются ключом к пониманию самой природы преступления. Благодаря врожденной любознательности он понял, что злодеяние было настолько невероятным, что в него действительно можно не поверить, и придет день, когда детали забудутся. Он оказался прав: в тщательно спроектированных газовых камерах лагеря Аушвиц-Биркенау, который был сердцем отлаженной машины смерти нацистского государства, более миллиона евреев были отравлены газом. По сей день эти события остаются беспрецедентными и заслуживают нашего внимания, но ведь это далеко не все, что там происходило. Вокруг конвейеров уничтожения развернулся настоящий садистский механизм ежедневных пыток и издевательств. Все это нашло отражение в первых рисунках, а затем и в тексте Гива.

Я заметил, что воспоминания выживших с течением времени почти не меняются. Еще я заметил, что чем раньше они были записаны, тем больше вероятности, что в них найдут отражения детали из личного опыта рассказчика, без примеси общих мест и ожиданий читателей. И воспоминания Гива прекрасный тому пример. Первые наброски он сделал в Освенциме в 1944 году, а в 1945 году их продолжила серия из более чем 80 рисунков. Часть из них вошла в эту книгу. Позднее, в 1947 году, когда воспоминания были еще свежи и не затянuty пеленой рефлексий, он написал текст, который был опубликован в 1958 году под названием «Юность в цепях». После войны прошло еще совсем немного времени, и личные подробности о других узниках и друзьях Томаса, которых он приобрел и потерял в лагерях, еще не стерлись из памяти. Мы узнаем о царившей в лагерной иерархии нравственной неопределенности,

об охватившей узников эпидемии сексуального насилия, о которой выжившие впоследствии предпочитают не рассказывать. Мы узнаем о силе дружбы и тех жертвах, на которые люди были готовы пойти ради того, чтобы выжить. И хотя ни для кого не секрет, что это желание часто подталкивало людей к взаимовыручке, особенно в женских бараках, я никогда прежде не слышал свидетельств о продовольственном пакте, который придумали Томас и трое его друзей. В его истории есть детали, о которых никогда прежде не шла речь в воспоминаниях других заключенных.

Прибытие Гива в Освенцим описано четко, точно и... холодно. «На километры вокруг не росло ни одного дерева, сплошные голые поля. Вдалеке клубился густой туман, в котором скрывалось то, что уже поджидало нас». Гив точно описывает прибытие в Освенцим на малоизвестную Alte Juden-Rampe (Старую еврейскую платформу), которая располагалась на пустыре вдали от лагерных сооружений. На нее прибыло свыше 600 000 евреев, но в более поздних источниках о ней почти не упоминается потому, что представление, будто поезд заходит в Биркенау, где его со всех сторон обступают бараки, а на платформе уже ждет Йозеф Менгеле в белых перчатках, превратилось в официальную версию прибытия в Освенцим. Но Гив тогда не знал об этом, и рассказал только о том, что знал. О том, что пережил сам.

И даже спустя семьдесят пять лет его описания звучат грубо и достоверно, а этого можно добиться, только если зафиксировать все по «горячим следам». Он сообщает о группах узников, таких, например, как цыгане или политические заключенные, о которых из других источников было мало что известно. И делает это с обезоруживающей ясностью. Его описание «марша смерти» – когда узники, преодолевая слабость и боль, шли и поддерживали друг друга, – свидетельствует о том, что даже в тяжелейших обстоятельствах великодушие и чувство единения не покидали их. Благодаря воспоминаниям Гива к нам приходит очень важное осознание: узники понимали, что творится вокруг них, знали, *как* это происходит. Единственное, не могли осознать масштаб того, что разворачивается прямо у них на глазах. На одном из рисунков Гив делает пометку, что всего в газовых камерах погибли сотни тысяч человек. Нельзя упрекнуть его в ошибке: узникам не сообщали статистику по умершим. И как бы он мог догадаться, что число евреев, цыган и остальных погибших окажется в разы больше?

Я благодарен Чарльзу Инглефельду за то, что он сохранил основную часть первоначальной рукописи. Издание, которое вы держите в руках, результат почти восьми десятилетий исправлений и дополнений, но его костяк верен рукописи 1947 года, изданиям «Юность в цепях» 1958 года и «Винтовки и колючая проволока» от 1987 года (я писал рецензии на обе книги). В отличие от фотографии или списка поездов, воспоминания не могут считаться доказательством. Но все же это исторический документ, сохранивший подлинные сведения о многих и многих людях.

Свидетельства – это расширенный опыт автора, рассматриваемый годы спустя сквозь непрестанно меняющуюся призму времени. Но Гив твердо решил следовать за своим первым текстом и выстраивать повествование в соответствии с теми впечатлениями, которые он записал сразу после войны. И по сей день он переносит нас во времена, когда впервые рассказал свою историю, – и именно это делает книгу такой уникальной и такой правдивой.

Я призываю вас не пролистывать рисунки Гива. Задержитесь на них. Свидетельства очевидцев крайне редко передаются одновременно и через изображения, и через текст. Нам повезло. Простые детские рисунки противостоят сложной истине, заложенной в них. Я представляю себе пятнадцатилетнего мальчика, яростно рисующего на анкетах для лагерного персонала со свастикой на обороте, а в это время где-то неподалеку еще идет война. Но даже тогда этот мальчик знал, что стал глазами и ушами мира.

Ими он остается и по сей день.

*Стивен Д. Смит,
Исполнительный директор фонда Финчи-Витерби
Председатель фонда «USC Shoah Foundation»
Председатель ЮНЕСКО по образованию в области геноцида*

Введение

В ноябре 1945 года я приехал в Лондон с чемоданом, в котором лежала папка с рисунками – немой свидетель почти двух лет жизни и противостояния смерти в концентрационном лагере. Альбом предназначался моему дорогому отцу Эриху, которого я не видел все шесть долгих лет войны.

Спустя год со мной связался молодой энергичный журналист. Мы познакомились, он посмотрел альбом и решил, что мир должен его увидеть. Он же убедил меня перевести рисунки в слова, что я и сделал. Факты и сцены из карандашных рисунков обрели новую форму выразительности. Слова воскресили воспоминания, ощущения, мысли, страхи, радости и победы – все то, чем наполнялась жизнь в тяжелые военные годы. Они дали мне возможность рассказать о людях, с которыми меня свела судьба. Я видел их самое разное поведение: от отчаяния до надежды, от пораженчества до отваги, от жестокости до милосердия. Я все это постарался описать... Но самое главное то, что эти истории подарили голос моим товарищам, которым не суждено было дожить до дня освобождения. Мой мир стал их миром. Мои слова подарили их мечтам и надеждам, столь бесцельно и рано загубленным, вечную жизнь.

В 1946 году мир был не готов слушать. И хотя лондонские издатели разделили интерес того журналиста к моей истории, им не хватило рвения ее напечатать.

– А паренек-то не Пикассо, – говорили они.

– Читателям сейчас подавай более жизнерадостные темы.

И редкому издательству в послевоенной Европе были по карману цветные иллюстрации.

Но мое стремление рассказать миру о том, что на самом деле происходило в Европе во время Второй мировой войны, никуда не исчезло. В 1958 году впервые вышла в свет книга моих воспоминаний. Маленькая книжечка в мягкой обложке. Я хотел защитить свою частную жизнь, а также верил, что эта история не только обо мне – это история моих товарищей по концлагерю, история целого поколения, и потому взял себе псевдоним. Имя «моего свидетеля» – Томас Гив, и он остается частью меня и по сей день.

Все эти годы мои рисунки и воспоминания публиковались на разных языках, а также появлялись в средствах массовой информации. Я стал активно выступать перед школьниками и взрослыми по всей Европе.

Летом 2019 года со мной связался другой журналист – Чарльз Инглефельд. Воспоминания произвели на него сильное впечатление, и он посчитал, что их нужно переиздать в расширенной версии. Интерес этого молодого человека к событиям семидесятилетней давности согрели мое сердце. Но на этот раз его энтузиазм разделило издательство *HarperCollins*. Для нас большая честь работать с ним.

Семьдесят пять лет назад я задался целью сохранить правду. Делом всей моей жизни стал пересказ фактов, деталей и историй, чтобы в них верили и никогда их не забывали.

Дорогие читатели, мне выпала честь представить вам новое издание моих воспоминаний и рисунков. Я правда надеюсь, что они послужат людям напоминанием об их долге сделать мир лучше.

Эта мрачная страница человеческой истории была написана людьми, и только люди могут построить светлое будущее...

Томас Гив, 2020 год

Пролог

Неизвестное будущее

Берлин, 1939

Стоял жаркий душный летний день. Покупатели, путешественники и туристы заполнили Потсдамерплатц. В витринах гастрономов лежали изысканные, промаркированные и аккуратно обернутые бумагой деликатесы. Флористы выставляли на обозрение публики цветущие розы, в то время как прохожие любовались новейшими бесшумными трамваями, бегущими по центру города. В Берлине было столько всего восхитительного: новая станция метро – триумф инженерной мысли того времени, очереди перед зданием экспериментальной правительственной телестудии.

На большой железнодорожной станции со стеклянно-стальной крышей подняли сигнальный рычаг семафора. Зажегся зеленый свет, и очередной поезд, выбросив клубы пара, ушел на запад. Это был один из последних составов, на котором уехали те, кому грозила тюрьма, те, для кого в новой Германии места не нашлось: евреи, вольнодумцы, демократы и социалисты. Они бежали в Англию. Но эту страну и без них уже заполнили толпы с востока. И многие еще стучались в ее двери: австрийцы, чехи, итальянцы, испанцы – все искали убежища. Среди пассажиров того поезда был доктор, еврей по национальности. Один из немногих счастливицков, кому удалось достать разрешение на выезд.

Опрятно одетый мальчик девяти лет с блестящими от бриолина волосами стоял перед витриной цветочного магазина. Он утомился ожиданием и теперь коротал время, рассматривая капли воды, стекавшие по внутренней стороне стекла. Сквозь конденсат он разглядел розы, тюльпаны и орхидеи. Как же хорошо за ними ухаживали.

Из толпы появилась молодая темноволосая женщина, одетая в свое лучшее выходное платье. Она остановилась перед лавкой флориста. По щекам ее текли слезы. Мальчика резко вырвали из мечтаний о рае росистых цветов. Он подумал: «Почему люди так волнуются и плачут? Сегодня же такой прекрасный день».

Этим мальчиком был я, женщиной – моя мать, Берта, а уехавшим в поезде доктором-евреем – отец, его звали Эрих.

На Потсдамерплатц было многолюдно, но мы чувствовали, будто остались совсем одни. Мы вернулись в квартиру к бабушке, которая на время стала нам домом. Дедушка Юлиус и бабушка Гульда жили на Виндфельштрассе 19, тихой respectable улице в Шёнеберге, седьмом округе Берлина.

– Я буду занята подготовкой к отъезду вслед за папой, – со вздохом сказала мама, – а у бабушки с дедушкой много своих забот, так что тебе придется быть хорошим мальчиком, потому что наказывать тебя будет некому.

В тот день я впервые задумался о том, что люди называют «будущее». Я собрался с мыслями и попытался представить, что нас ждет. Все случилось так внезапно, так неожиданно и быстро, что я не успел ничего понять.

Часть первая

Глава 1 Штеттин² и Бойтен³

1929–1939

Я появился на свет осенью 1929 года в немецком городе Штеттине⁴ на берегу Балтийского моря неподалеку от реки Одр. Там же родилась и мама, а отец был родом из Бойтена, что в Верхней Силезии. Он изучал медицину и, прежде чем принять практику в Штеттине у доктора Юлиуса Гётца, успел отслужить в Первой мировой войне. Получив место врача, он влюбился и женился на дочери своего предшественника – моей матери Берте.

Кажется, в детстве я боялся незнакомцев. Как и большинство детей, на досуге я рыдал. Вой пожарной сирены, созывавшей бригаду добровольцев, по ночам приводил меня в ужас. Слишком уж сильно он напоминал рев затаившегося в темноте чудовища, которое только и ждет, как бы наброситься на меня и утащить в свое логово.

Но со временем страхи сменились радостью. Мамина сестра, тетя Руфь, сплавлялась со мной по Одру к нашему летнему домику. Время, проведенное на природе, в лодке, посреди широкой реки, оставило в моей душе глубокий отпечаток, с которым не могло сравниться даже разрешение есть прямо с грядки самые спелые помидоры. Случались и увлекательные поездки на морские курорты. Мне нравилось находиться рядом с животными и растениями, в окружении природы. Но больше всего мне нравилось охотиться на улиток: ловить и собирать маленькие скользкие завитки, взбирающиеся по парковым стенам.

Когда в 1933 году к власти пришел Гитлер, неспешные и беззаботные деньки остались в прошлом.

В Штеттине у отца была врачебная и хирургическая практика, но из-за дискриминационных законов он ее потерял, и нам пришлось перебраться в его родной город Бойтен, расположенный в трехстах километрах к юго-востоку от Берлина. Мамины родственники, в числе которых были тетя Руфь и бабушка с дедушкой, переехали в столицу Германии. И хотя мне тогда было всего три года, я чувствовал, что меня то и дело оставляют на попечение посторонних: тети Ирмы и нашей домработницы Магды.

Бойтен был шахтерским городом с населением в несколько сотен тысяч человек и многочисленной польской общиной. Граница между Германией и Польшей проходила прямо через его предместья, парки и даже угольные шахты. По улицам курсировали и польские, и немецкие трамваи. В немецких кварталах говорили по-польски, а в польских – по-немецки. Когда я возвращался с прогулки в дом № 1 по Кракауэрштрассе, я мог только догадываться, по улицам какой из двух стран я только что гулял.

Но главная городская площадь сбивала с толку еще сильнее. Для простых людей это был «бульвар». Для педантов – «площадь кайзера Франца Иосифа». Однако новая власть Бойтена решила, что отныне она будет называться «площадь Адольфа Гитлера». И именно там верные чистокровные немцы присягнули на верность своему новому богу.

Если бы не строгий запрет, я бы с радостью к ним присоединился. Ведь мне, в общем-то, новый культ даже нравился. Среди его атрибутов были знамена, блестящие на солнце поли-

² ** В 1945 году город вошел в состав Польши и был переименован в Щецин. (Здесь и далее прим. автора)

³ После Второй мировой войны город вошел в состав Польши и был переименован в Бытом.

⁴ Сейчас это территория Польши.

цейские лошади, разноцветная униформа, факелы и музыка. И все это совершенно бесплатно, а значит, мне не нужно было упрашивать отца, чтобы он отвел меня на представление «Панч и Джуди» или разрешил часок посидеть у тетиного радиоприемника. Но меня ругали за неподобающий энтузиазм к этим новым городским веяниям. Поэтому мне стали выдавать больше карманных денег и, чтобы избежать дальнейших неприятностей для семьи, говорили придерживаться семейной антинацистской позиции – что бы это ни значило для четырехлетнего мальчика.

Мне пришлось подчиниться. И пока другим ребятам на площади рассказывали о врожденном превосходстве и великом предназначении, я чувствовал себя неудачником.

Очень скоро моя жизнь изменилась. По утрам меня стали отводить в ближайший еврейский детский сад. Послеобеденные часы заполнили игры в одиночестве или уроки фортепиано под руководством тети Ирмы, сестры отца, которая преподавала музыку и теперь жила вместе с нами.

Предполагалось, что я унаследовал музыкальные способности тети Ирмы, но мой бунтарский нрав вскоре исключил всякую возможность сделать из меня раба этого черного гиганта – рояля фирмы «Бехштейн». Мои таланты ограничились поеданием яблок, на примере которых мне объясняли, сколько долей в нотах. Интерес к игре на музыкальных инструментах у меня исчез, но любовь к музыке, песням и стихам только зарождалась.

В 1936 году мне исполнилось шесть, и я пошел в еврейскую школу. Ее розги, карцер и суровую дисциплину в свое время испытал на себе и отец. Однако он не оставался в долгу – мстил царапинами на школьных скамьях.

Учителя отца, уже достигшие пенсионного возраста, все еще преподавали, и все еще не могли позволить себе на обед ничего, кроме бутербродов с сыром, что превращало их в объект всеобщих насмешек.

Вопреки семейным традициям я старался быть прилежным учеником, но никогда не делал ничего сверх того, что от меня требовали.

Мы занимались одновременно по старым и по новым учебникам, изданным уже при нацистах. Помню, что 20 апреля – день рождения Гитлера, стал официальным праздником. В этот день, в соответствии с каким-то пунктом в новом законе об образовании, мы собирались на чтения во славу нашего отечества. Но самые проникательные учителя намекали, что мы эту славу не разделим.

Стало понятно, что равенства мы не дождемся. Нашим единственным оружием была гордость. Мы хотели соперничать с новыми молодежными движениями, которые возникали по всей Германии. Школьные экскурсии давали возможность продемонстрировать дисциплинированный шаг, выразительное пение и спортивное мастерство. Но постепенно нам запретили все. Вскоре мы даже не могли ответить на летевшие в нас камни, которые из-за забора бросали на наш школьный двор «арийские» мальчишки. Отныне это считалось преступлением. Мы стали презираемыми «еврейскими мальчиками». Единственной безопасной для нас площадкой для игр был парк еврейского кладбища на Пикарска-штрассе. Мы были безмерно рады, что у нас есть это безопасное место.

По настоянию отца я вступил в сионистскую спортивную секцию «Бар Кохба»⁵. Все тренировки проходили строго в помещении, но уверенность в себе, которую мы там вырабатывали, была почти безграничной. Там мы усвоили принципы силы и героизма. Вновь обретенное мужество сопровождало нас повсюду.

⁵ Шимон Бар-Кохба был предводителем еврейского народа в восстании против Римской Империи 132–135 годах н. э. Он славился физической силой, выносливостью и отвагой. С него старались брать пример юные евреи.

Как-то вечером мы с другом, направляясь на тренировку, шли по заснеженной площади перед синагогой. Внезапно на нас обрушился град из снежков. Затем полетели оскорбления. За колонами аркады синагоги мы заметили ребят нашего возраста в черной форме гитлерюгенд⁶.

Гордость в тот же миг взяла верх над обязательством быть послушными вассалами, и мы пустились в погоню. Растерявшиеся противники никак не ожидали, что нас внезапно охватит такая ярость. Я схватил одного из них, толкнул в сугроб и несколько раз ударил. Когда он закричал, мне пришлось отступить. Его приятели уже скрылись из виду, и темнота окутала тайной наше небольшое приключение. Это был первый и последний раз, когда мне удалось открыто дать отпор неприятелям.

Вскоре я стал все больше интересоваться миром. Мы, мальчишки, тайно убегали, чтобы посмотреть на расположенные поблизости угольные шахты, заводы и железнодорожные сооружения. Наши юные умы жаждали знаний.

Ослепительно белые доменные печи, бесконечно вращающиеся колеса надшахтных сооружений, огромные шлаковые отвалы, вагонетки с рудой, скользящие по тросам у нас над головами – кругом кипела работа. Но больше всего меня очаровывали поезда. Скрипящие пути для промышленного транспорта, прибывающие издалека большие черные локомотивы, устало выпускающие клубы вонючего дыма. Все это ждало, когда наши юные умы, подталкиваемые желанием познать жизнь, разберут все на составляющие. Нам еще только предстояло открыть для себя этот мир.

Несмотря на все наложенные на нас ограничения, кругом было полно объектов для изучения.

Пока мы, ведомые любопытством, бродили по городу, гитлерюгенд Бойтена строился, маршировал и разучивал хвалебные песни во славу своего фюрера. Не все обладали необходимыми для таких тренировок душевными силами. Некоторые понимали, что их будущее уже предопределено новой авторитарной системой, и впадали в отчаяние. Натуры не столь тонкие беспокоились о плоскостопии, мозолях и волдырях, потому что они могли стать серьезным препятствием для причисления к «расе господ».

Несколько раз в году улицы Бойтена оживали процессиями. На Вознесение и Пасху католические священники, мастера помпезности и церемоний, стоя на богато украшенных платформах, размахивали кадилами и демонстрировали главную достопримечательность – епископа, сидящего под расшитой золотом каноной. А в Национальный день, который с легкой руки Гитлера заменил собой праздник Первого мая, Бойтен украшали ярмарки и эстрады, а на них выступали перед широкой публикой люди в ярких народных костюмах, рассказывающие об успехах в промышленности и сельском хозяйстве.

Но в веселом шуме праздничных улиц все отчетливее и громче звучал стук черных сапог, марширующих под бравурную военную музыку. Коричневорубашечники⁷ придумали новый вид процессий – ночные факельные шествия. Некоторые из них заканчивались избиением неверующих, евреев или угнетенных наравне с ними людей.

Мою свободу ограничили. Мне было строго сказано сидеть дома. Оттуда, из-за штор, я и наблюдал эти «представления», а мама все повторяла, что это «добром для нас не кончится» и что я должен «реже выходить на улицу и больше играть дома».

Лишившись возможности свободно бродить по городу, я еще сильнее сдружился с одноклассниками, а самых интересных даже приглашал в гости поиграть в миниатюрную железную дорогу из конструктора «Мессапо». Но родители мой выбор друзей не одобрили.

⁶ Гитлерюгенд – молодежная организация Нацистской партии Германии, просуществовавшая с 1933 по 1945 годы.

⁷ *Sturmabteilung*, или «SA», также известные как «штурмовики», – первое военизированное формирование Национал-социалистической немецкой рабочей партии. Обязательной частью их униформы были коричневые рубашки, отсюда и пошло второе название отрядов – «коричневорубашечники».

– Обязательно приводить домой этих плохо воспитанных неопрятных мальчишек? – укоряли они меня. – У нас же столько добропорядочных знакомых врачей, юристов, предпринимателей. Неужели ты не можешь играть с их детьми?

Но респектабельность или влияние меня нисколько не заботили. Мое представление о веселье включало в себя новые идеи, бойкий нрав, взаимное уважение и свободу. А, следовательно, мальчики из хороших семей не могли стать мне хорошими друзьями. Они ровным счетом ничего не знали об «улице», их темперамент подстраивался под характер родителей, и на все им приходилось спрашивать разрешение у своих нянь.

В нашей синагоге праздник «Радость Торы»⁸ отмечался каждый год. Под аккомпанемент органа наряженные в свои лучшие одежды дети, размахивая флажками, шествовали по храму вслед за теми, кто нес свитки Торы. В качестве вознаграждения нам всем по традиции раздавали шоколадки и конфеты.

В этом году после церемонии мы сравнили, кому сколько досталось. Мои карманы лопались от конфет, а на лицах других детей читалось разочарование. Я расстроился, потому что, как мне казалось, все должны были получить сладостей поровну.

Позднее я спросил об этом у отца, и его неуверенный ответ помог мне осознать неприятную правду, которая испортила все веселье. Некоторые люди щедро одаривали всех детей, но были и те, кто выделял ребенка из влиятельной семьи для того, чтобы он принес домой их «визитные карточки» – сладости. Судя по всему, отец прекрасно знал, кто раздавал шоколадные батончики, а кто – леденцы на палочке. И если вы родились в небогатой семье, то вам об этом напомнят даже в синагоге.

Однажды утром улица под окнами загудела от звона разбитого стекла, топота и возбужденных голосов. Я проснулся. Решив, что пора собираться в школу, я встал и потянул за веревочку от жалюзи, но с удивлением обнаружил, что еще только рассвет. Я взглянул на тротуар у соседнего дома.

Перед обувной лавкой был припаркован черный «Даймлер», мечта любого мальчишки. По улице были разбросаны блестящие черные, коричневые и белые ботинки, сандалии, женские туфли на каблуках и осколки стекла. Отряд коричневорубашечников загружал в машину сокровища разного рода. Это было самое настоящее ограбление.

Ощущая себя детективом, раскрывшим очередное дело, я ринулся в спальню к родителям, чтобы рассказать им новость. Но отец не разделил мою радость и сразу же начал звонить соседям. Поднялась всеобщая неразбериха, и ясно было только одно: школа отменяется.

Я посмотрел на календарь, висевший на стене. Было 9 ноября 1938 года⁹ – и мир, каким его знала наша община, стоял на пороге больших перемен.

В течение дня приходили все новые сообщения. Бойтенская синагога горела. Городские пожарные бригады помогать отказались, сославшись на необходимость «охранять прилегающие здания». На улицах в огромные костры летели груды книг. По всему городу грабили магазины, принадлежавшие евреям. А сотни евреев Бойтена были арестованы.

Смятение и тревога наполнили наш дом. Мы полностью оделись и собрались в одной из комнат, приготовившись к чрезвычайной ситуации, и с ужасом ожидали стука в дверь. Наконец он раздался. Открыв дверь, мы оказались лицом к лицу с коричневорубашечником. Лицо у него было суровым, а пристальный взгляд узких глаз не предвещал ничего хорошего. Этот страшный человек зловеще провел пальцем по длинному отпечатанному на машинке списку гестапо. Палец замер, и штурмовик рявкнул имя пожилого еврея, прежнего арендатора, кото-

⁸ «Радость Торы», или «Симхат-Тора» – иудейский праздник, знаменующий окончание и начало нового годового цикла чтения Торы.

⁹ 9–10 ноября 1938 года произошла «Хрустальная ночь» или, «Ночь разбитых витрин» – еврейский погром, учиненный штурмовиками и гражданским населением на территории нацистской Германии.

рый давно переехал. О чем родители и сообщили коричневорубашечнику, и тот ушел, к счастью, не забрав вместо него кого-нибудь из нас.

Вскоре мы узнали, что синагога сгорела дотла, а нашу школу закрыли.

Родители, у которых была возможность отвезти детей за город, во временно безопасный край, не тратили время на раздумывание. Меня на месяц отправили в еврейский детский дом в Обернике, городке под Бреслау, в 220 километрах к северо-западу от Бойтена. В его садах и лесах мы могли с головой окунуться в изучение природы. О большем я и мечтать не мог, и мне казалось, будто я оказался в раю.

Многие из бойтенских евреев, кто мог эмигрировать – уехали¹⁰. Отец, ветеран Первой мировой и известный сионист, планировал перевезти нас в Англию. Оттуда мы могли бы перебраться в Палестину, землю Израилеву. Но несмотря на растущее отчаяние, подготовка шла медленно. Было решено, что в начале 1939 года я перееду в Берлин и буду жить у бабушки с дедушкой.

Мир не был рад беженцам. Люди часто говорили о Биробиджане¹¹, как о возможном убежище от преследования для европейских евреев, но мало кто воспринимал эти разговоры всерьез. Германия высылала польских евреев обратно в Польшу. Но полякам они тоже не были нужны.

«С нами такого не случится, – решили евреи Германии. – Мы же немцы».

Слухи, неизбежное при тоталитарных режимах усиление цензуры, множились и распространялись, словно тенденциозная подпольная газета. У нас был знакомый ариец¹², член О. Т¹³. Безработица вынудила его вступить в ряды этой организации, которая предоставила ему работу на строительстве местных дорог и каналов.

Он считал себя человеком осведомленным и уговаривал нас покинуть Германию как можно скорее. Его прогнозы на будущее – наше будущее – казались чересчур мрачными, и создавалось впечатление, что им движет злоба.

Летом 1939 года моя семья навсегда покинула Бойтен. Отец уехал в Англию, а мы с мамой остались у бабушки с дедушкой в Берлине. Мы хотели как можно скорее последовать за ним. Я представлял себе, какой будет наша жизнь, когда мы приедем к нему в Англию. Но у истории были свои планы.

¹⁰ Летом 1938 года на Эвианской конференции мировое сообщество осудило жесткое обращение нацистов с евреями, но не сделало ничего для облегчения процесса эмиграции. Нацистское правительство истолковало это как молчаливое согласие с их евгеническим курсом.

¹¹ Административный центр Еврейской автономной области в СССР. Автономная область образована на Дальнем Востоке в 1934 году из Биробиджанского еврейского национального района Дальневосточного края. Единственное в мире, помимо Израиля, еврейское административно-территориальное образование с официальным юридическим статусом. По реке Амур на юге граничит с Китаем, на западе и востоке – с Хабаровским краем и Амурской областью. Суровые климатические условия и сильно отличающийся от капиталистического режим СССР не позволяли многим рассматривать Биробиджан как надежное убежище.

¹² Ариец – нацистское определение человека германского происхождения.

¹³ Организация Тодта. Фриц Тодт был известным нацистом.

Глава 2

Берлин

1939–1940

Мама была занята подготовкой к отъезду за границу, поэтому я снова был оставлен на попечение ее сестры Рут, учительницы рисования и английского. У тети Рут было все, чтобы стать настоящим другом. Она мыслила прогрессивно, фонтанировала идеями и была настоящей иконой для своих учеников.

Тетя Рут брала меня с собой в еврейскую школу на Рикештрассе, что в северном Берлине, где сама преподавала. Там моими одноклассниками были настоящие городские дети, владеющие местным сленгом, чванливые и развязные. Поначалу на меня смотрели свысока, для них я был деревенщиной, но со временем они оценили мой практичный характер, и в конце концов я превратился в настоящего берлинца. И тогда первое пугающее впечатление от жизни в Берлине уступило место пониманию того, как она устроена.

Городские будни начинались с визитов пекаря, молочника и мальчишки-газетчика. Следом появлялись торговцы щетками, спичками, кремами для обуви, цветами, старьевщики и шарманщики. Все они работали на улицах между домами, тесно прижатыми друг к другу для сохранения тепла большого города. У них на задворках теснились здания поменьше. Их грязные кирпичные стены отражали звуки городской жизни: ревушие радиоприемники, выбивание пыльных ковров, детский плач, скрипучие лестницы, щебет канареек и ссоры супружеских пар.

Но кто бы ни стоял у власти – Кайзер или Гитлер, – а жизнь в Берлине шла своим чередом и по своим правилам. Кто мог представить, что представитель рабочего класса, живущий в многоквартирном доме, станет всерьез интересоваться расовыми вопросами. Его совершенно не заботило, чью кровь раньше пили насекомые, которые пробрались к нему в дом в поисках новых пастбищ: арийскую или же нечеловеческую, то есть – еврейскую.

А потом пришел сентябрь, и началась война. Границы закрылись, и нам с мамой пришлось остаться в Берлине.

Германия хорошо подготовилась. Военная пропаганда пережила поражение 1918 года. Сама возможность перемирия дала ей новый импульс. В 1938 году ввели карточки, и некоторые товары стали дефицитными. Еду, особенно мясо и овощи, достать было сложно. Учебные воздушные тревоги и пробные отключения электричества до того всем надоели, что настоящие, которые, как предполагалось, будут происходить намного реже, были встречены с облегчением.

Вот только наша соседка матушка Краузе, архетип берлинской домохозяйки, не разделила этого чувства.

– Старое доброе шестое чувство подсказывает мне, что это дурной ветер, который не принесет никому ничего хорошего, – вздыхала она.

Редкий вой сирены воздушной тревоги загнал ее в сырой, наспех вырытый погреб. Там она коротала время в компании семидесяти с лишним соседей, которые спустились со своими одеялами, едой, тяжелыми чемоданами, собаками и канарейками.

Матушка Краузе была знакома с бабушкой и дедушкой много лет, и совсем не хотела их обидеть.

– Шестое чувство подсказывает мне остерегаться евреев, но эти вроде ничего, – бормотала она.

Мы начали питаться Ersatz¹⁴. Самые крупные берлинские универмаги, такие как «КаДеВэ», обеспокоенные нехваткой продовольствия, получили распоряжение завлекать покупателей замысловатыми представлениями, используя трофеи и идеи из завоеванных частей Европы.

В витринах больших магазинов воссоздавали сцены из нацистских фильмов, таких как «Еврей Зюсс» – исковерканная и ярко антисемитская история о зажиточном придворном; «Дядя Крюгер» – антибританский рассказ про англо-бурскую войну; и биографический очерк о Роберте Кохе – славе немецкой медицины.

Но у евреев все было по-другому. Им выдавали специальные продовольственные карточки, на которых были нацарапаны маленькие «Е». С ними мы не могли покупать овощи, мясо, молоко, шоколад и любые другие праздничные угощения, с которыми раньше проблем не возникало. Одежда в магазинах тоже оказалась под запретом. Нам разрешалось делать покупки в «одобренных магазинах» только с четырех до пяти вечера, в «неарийский час». Каждые две недели выходили новые антисемитские законы, один из которых предусматривал запрет для евреев сидеть в трамваях. Обеспеченные люди закупались продуктами на черном рынке. Богатые немцы могли рассчитывать на хорошее питание в первоклассных ресторанах. Но если вы не были ни обеспеченным, ни богатым, рассчитывать приходилось только на помощь друзей.

В 1940 году мне исполнилось 11 лет, и пришло время идти в среднюю школу. К тому моменту мы уже обеднели и платить за учебу не могли, поэтому стипендия пришлась весьма кстати. Для меня подобрали заведение смешанного типа на Гроссгамбургштрассе.

Школа тоже натерпелась. Сначала ее перевели на Кайзерштрассе, потом на Линденштрассе. Властям было плевать на то, где учатся евреи, и уж тем более на то, что они чувствуют. Даже синагогу на Линденштрассе превратили в склад зерна, кишевший голодными крысами.

У моего одноклассника, наполовину еврея, сестра училась в соседней арийской школе. По какому-то нелепому решению суда приятеля объявили евреем, а его сестру – христианкой. Когда они встречались на улице, им приходилось делать вид, будто они не знакомы, чтобы никто не видел их вместе.

У нас с друзьями было много разных увлечений.

Люди покупали миниатюрные значки и прикалывали их к лацканам пальто, жертвуя таким образом деньги на военные нужды. Раз в два месяца коллекция пополнялась деревянными куколками, самолетами, пистолетами, гранатами и прочей военной символикой. Из значков получались неплохие игрушки, и мы их собирали, следуя примеру беспризорников из северного Берлина: через неделю после выпуска новых моделей подходили к прохожим и вежливо просили пожертвовать нам значки. Это занятие стало таким популярным, что прохожие считали, будто участвуют в новой программе по переработке вторичного сырья.

Еще мы собирали детские журналы с красивыми иллюстрациями. В них, на удивление, не было и следа нацистской пропаганды, а разжиться ими можно было в больших кондитерских, если произвести хорошее впечатление на продавщиц или, в крайнем случае, купить булку.

Но самым странным моим увлечением было составление списков. Меня притягивали развороченные бомбами здания. Интерьеры, прежде скрытые от посторонних глаз, теперь оказались выставлены на всеобщее обозрение, и у каждого дома была своя отличительная черта. Мне страшно нравилось заносить в блокнот место, дату и степень разрушения.

Мама, узнав об этом, строго меня отчитала, и это произвело неизгладимое впечатление.

– А если бы тебя поймали? Как бы ты доказал, что не шпионишь для союзников?

По сравнению с захватывающей войной школа казалась скучной и бессмысленной. И поэтому я начал исследовать улицы Берлина. Путь от дома до школы занимал целый час, поэтому опоздание с легкостью можно было списать на пробки, авианалеты или дополнитель-

¹⁴ Суррогатом (нем.)

ные занятия. Кроме того, мне предоставляли свободу и никогда ни о чем не спрашивали. Я стал уличным мальчишкой, знакомым с теневой стороной Берлина.

Неарийцам запретили покупать книги, билеты в кино и театр, а потому просить карманные деньги было бессмысленно. Вместо всего этого я ходил на выставки военных трофеев – насущная необходимость для ребенка с техническим складом ума. Я рассматривал самолеты, инспектировал сиденье пилота, пропеллеры и игнорировал предупреждения для *неарийцев* держаться подальше.

Летом 1940 года я посещал ярмарки, которые устраивались с целью повысить боевой дух населения. Там можно было отстрелить голову игрушечному Черчиллю, а заводные куколочки и солдатики танцевали под мелодию «Лили Марлен» или *Wir fahren gegen England*¹⁵. Я незаметно проходил по Фридрихштрассе, где всего за пять марок можно было побаловать себя и поглядеть на куклы в человеческий рост, одетые в шубы по последней парижской моде.

Такие масштабные экспедиции в город стали возможными благодаря проезду на метро от школы и униформе гитлерюгенд без знаков различия в качестве маскировки. Для меня, еврея, носить ее было очень опасно, но выбор был невелик. Я быстро вырос из всей одежды, а денег на новую не было, поэтому мне приходилось донашивать вещи друзей-арийцев.

Как-то раз я вышел из метро со станции Унтер-ден-Линден и оказался в центре большого парада. Если бы я развернулся и пошел назад, то привлек бы к себе внимание, так что я остался и притворился восторженным почитателем. Сквозь ряд охранников мне прекрасно был виден парад.

По широкому проходу под ликования толпы медленно двигался черный «Даймлер» с открытым верхом. Ведущая машина проехала примерно в 10 метрах от меня. По сигналу сотни рук взмыли в нацистском приветствии.

Объектом поклонения оказался суровый темноволосый человек со странными усами на ничего не выражавшем лице. Это был Адольф Гитлер. За ним проследовала крупная фигура Геринга и прочих высокопоставленных представителей немецкого командования, каждый из которых, казалось, не обращал внимание на громкие овации.

Традиционное логово немецкой армии и штаб-квартиры располагались между Тиргартеном, Потсдамерплац и домом-ракушкой. Благодаря другу, чья мать была любовницей высокопоставленного немецкого офицера, мне неожиданно открылась дверь в этот нацистский лабиринт. Меня считали хорошо воспитанным мальчиком, поэтому из всех одноклассников именно я удостоился приглашения в гости.

Это был опасный, но завораживающий мир. Ровные ряды серых машин тянулись между бесчисленных вилл. Внутри этих строений без устали тикали телетайпы, стучали пишущие машинки и щелкали каблуками немцы. Переносные радиоприемники гудели словами войны, и где-то рядом свободно и беспрепятственно шел я, «еврейский мальчик».

Там я впервые по-настоящему увидел гитлеровскую армию, и она, вне всякого сомнения, производила сильное и пугающее впечатление. Военные с отполированными металлическими нашивками на груди, в сапогах, начищенных до блеска, парами вышагивали по улице. Им не было дела до детей вроде меня. Как не было дела и полковнику, который наблюдал, как мы играем в шахматы в его саду.

¹⁵ «Мы завоюем Англию» (нем.)

Глава 3 Берлин

1941–1942

Под конец 1941 года нацистское правительство устроило чудовищную демонстрацию силы. В сентябре евреям предписали носить желтые шестиконечные Звезды Давида.

Звезды нашивались на одежду с левой стороны груди. Любой нееврей, столкнувшись с евреем, должен был за версту увидеть этот знак. Благовоспитанные фрау заверяли нас за чашечкой Ersatz-кофе:

– Честь немцев ни при каких обстоятельствах не допустит такого безобразия. Мы же цивилизованные люди и не можем просто взять и вернуться в Средневековье. Люди выйдут протестовать на улицы!

Но, к сожалению, этим предсказаниям не суждено было сбыться.

Когда вошли первые Звезды Давида, одни высмеивали саму идею, а другие высмеивали тех, кто их носит. Затем последовал период безразличия, уступивший место раздражению из-за желтого лоскута, который постоянно напоминал о позоре. Всякий раз, когда вероятность того, что кто-нибудь из осведомителей¹⁶ узнает нас, была низкой, мы выходили на улицу без них. При свете фиолетовых неоновых огней, освещавших Берлин, желтые звезды казались синими. Еще меньше они были заметны в темных переулках, ну а в крайних случаях их можно было прикрыть газетой или сумкой. Вступил в силу комендантский час для евреев, но контролировать его соблюдение было практически невозможно. Несмотря на риск мы часто его нарушали.

Вскоре к Звезде Давида прибавились и другие знаки. «Р» для поляков и «OST» для украинцев. Знаки десятилетней давности, запрещавшие въезд только евреям, пришлось снять и пересмотреть. На их месте появились новые, исправленные. Во всех общественных местах, от одиноко стоявшей скамейки до парков, от телефонной будки до кинотеатра, теперь висели знаки, запрещавшие приближаться всем *неарийцам*. Некоторые заведения, особо ярко придерживавшиеся нацистских законов, устанавливали на входе еще более прямолинейные вывески: «Собакам, полякам, русским и евреям вход строго воспрещен!»

В 1942 году закрылись еврейские школы. Но учеников и так с каждым днем становилось все меньше. Они не обязательно прогуливали: кого-то арестовывали, а кто-то подался в бега. Мне стало легче, когда вышел указ о закрытии школ. Теперь можно было не опасаться, что по дороге домой меня изобьют за то, что я еврей. Кроме того, я совершенно не верил учебникам – я верил в технологии и в то, что видел вокруг. Возможность свободно исследовать Берлин открыла мне глаза и обратила мою душу к чудесам техники и изобретениям.

Еврейская община могла предложить подросткам четыре варианта трудоустройства: помогать в больницах, устроиться на работу в столовую, раскладывать бумаги в канцеляриях общины или ухаживать за цветами на кладбище. Я решил посвятить год поддержанию порядка на еврейском кладбище в районе Вайсензее. Денег не платили, но у меня было специальное разрешение на передвижение по городу и возможность дышать свежим воздухом. На огромном, обнесенном стеной некрополе, с его мраморными мавзолеями и осыпающимися надгробиями было тихо. И только убаюкивающий шелест листвы нарушал покой нашего убежища.

Нас, работающих на кладбище, разделили на рабочие бригады. Весной и летом мы рачищали тропинки от сорняков, высаживали плющ и ухаживали за цветами. С приходом осени убирали листья. А зимой – снег. Кладбище оказалось прекрасным местом для игры в прятки и догонялки. Моими друзьями были могильщики Вольфганг и Вернер. И сегодня я вспоми-

¹⁶ Доносчиков в Берлине с каждым днем становилось все больше. Угроза могла исходить от любопытных соседей, одноклассников, старых друзей, шантажистов, полиции и прочих.

наю те шумные погони друг за другом по огромной территории кладбища как одни из самых счастливых мгновений жизни.

Помимо садоводства в тот год я приобщился к радостям жизни: водил трактор, играл в карты и подтрунивал над девчонками. Я выкурил первую в жизни сигарету, и впервые в жизни в меня влюбилась девочка. Ее звали Ева-Рут.

Мама отучилась на швею и нашла работу по починке военной формы. Иногда она находила письма, зашитые в подкладке окровавленных вермахтовских¹⁷ брюк: то были неслышанные предупреждения сыновей Германии, в которых говорилось о бедственном положении на Восточном фронте. Они сетовали, что до Москвы и Ленинграда еще далеко, а на безжалостных заснеженных полях Советского Союза их ждет только смерть

¹⁷ Вермахт – вооруженные силы Третьего рейха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.